

Леонид Регионов

ЗА ПРОПАСТЬЮ У ЮПИТЕРА

16+

Околонаучная нравственная фантастика

Леонид Регионов

За пропастью у Юпитера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34328254

SelfPub; 2018

Аннотация

Когда человек спит, он видит сны. Когда человек спит, пролетая у Юпитера, он также видит сны, но сны необычные. Когда человек спит, его мозг может пытаться решать какие-то проблемы. Когда человек спит, пролетая у Юпитера, с его мозгом может твориться что-то загадочное и страшное... Команда звездолёта «Поэтапный прорыв» недалеко от Юпитера переживает сильные гравитационные толчки и становится свидетелем странного явления. Смогут ли члены экипажа разобраться, какая загадка мучает их пассажира в его повторяющемся, как хорошо смазанная шарманка, сне?

Олега качнуло. Он прижался к стене, закрыл глаза и набрал в лёгкие большой глоток воздуха. Чёртова турбулентность! Молодой человек так и не смог привыкнуть к ней, несмотря на то, что полёт длился уже почти год. Последние сильные толчки были при прохождении Марса, когда гравитационное поле Красной планеты ощутило не единожды потряхнуло их транспортник. Сейчас же у Олега свело живот, тошнотный позыв, еле оформившийся, но вполне готовый реализоваться, сковал тело – настолько сильным на этот раз был «адский импульс», как окрестила это явление команда межгалактического корабля «Поэтапный прорыв».

Олег переждал очередной гравитационный толчок стоя, сидеть он бы не смог: желудок, исходя из предыдущего опыта, ему бы этого не простил. Спустя минут восемь парень отклеился от стены коридора и медленно пошёл туда, куда шёл до начала импульса. А направлялся он в отсек управления, где их команда, к слову, собиралась не особо часто: обычно это случалось при каких-то девиантных ситуациях, то есть, когда что-то шло не по плану.

Надо сказать, что план их полёта был донельзя прост. Как, кстати, и состав команды. Состояла она всего из двух человек: кроме Олега, номинально её возглавлявшего, на борту присутствовал ещё один член экипажа – Ренат Андреевич. В настоящий момент пятидесятивосьмилетний помощник капитана находился в отсеке управления, где разбирался с по-

казаниями одного из компьютеров, отвечавших за работу установленных на грузовой палубе датчиков. Около часа назад они с Олегом обратили внимание на необычный сигнал, полученный с датчика мозговой активности в камере номер триста тридцать семь, и молодой капитан звездолёта лично отправился проверить на месте, что случилось. Грузовой отсек находился на средней палубе в хвостовой части корабля, а отсек управления – в носовой части на палубе верхней. В связи с этим туда и обратно Олегу пришлось пройти порядка двух километров, что в условиях гравитационной активности находящейся поблизости планеты было подобно маршброску морского спецназа в земных джунглях.

– Ну что там? – Ренат Андреевич привстал в своём кресле, когда Олег со страдающим видом в полусогнутом состоянии вполз в рубку управления звездолётом.

– Похоже, Юпитер шалит. Импульсы от него в разы полще марсианских. А ты ведь помнишь, как нас колбасило тогда.

– Конечно, Олег Дмитриевич, как не помнить, ведь кто, если не я, провалялся неделю в медицинском отсеке. Да, возраст даёт о себе знать... Не то, что ваши двадцать два. Хотя вы же знаете, что я вряд ли прибуду живым на место назначения нашей экспедиции, помру на борту этой мерзкой консервной банки. А вы, может, ещё и карьеру сделаете по прилету.

– Полно тебе, Ренат Андреич, – кисло скривился Олег и

смачно сплюнул на пол. – Ты совсем уже сбрендил без общества своих дружков. Конечно, ты их уже точно больше не увидишь, но не спеши закапывать себя в могилу раньше времени. Кто знает, что может ждать нас там. И, кстати, ты ещё очень даже в форме, давай крепись, да и как я тут один буду жить, окочурься ты в ближайшие годы. Я же превращусь в тупое зомби к моменту, когда нас наконец встретят на Счастливой Мекке.

– Ха-ха! А я прилечу туда уже девяностолетним дряхлым поленом и буду отравлять планету своей полуразложившейся трупной плотью.

– Да и я через тридцать лет, которые нам остались в пути, буду не первой свежести. Ну ладно, Ренат Андреич, что-то мы с тобой совсем расклеились. Сигнал всё тот же? Стабилен?

– Да, повторяющийся, с ярко выраженными фазами. Расшифровать ничего не могу, технологии не те, да и не специалист ведь я, нас в моё время учили работать на машинах попроще. А как там внизу, у груза?

– Ничего особенного. Всё на месте, разгерметизации нет, все системы обеспечения оптимального режима в норме. Триста тридцать седьмой не сбежал, если ты этого боялся.

Мужчины хмуро посмотрели друг на друга впалыми измученными глазами, несколько секунд помолчали, а потом, не сговариваясь, приснули со смеху. Смех был невесёлый, надсадный, ничего доброго для членов их немногочисленно-

го экипажа не предвещавший.

2

«Зачем я здесь?» – прозвучал в мозгу мой собственный голос. Я огляделся по сторонам. Тусклый свет скользил по вертикальным стенам, периодически превращаясь в яркие точки каких-то ламп. Эти светлячки ползли вверх, и я тупо взирал на их шествие. «Лампы двигаются или я?» – ещё один спонтанный вопрос возник внутри меня. В голове сильно шумело, виски пульсировали, а в затылке привычно ломило. Ну да, мой остеохондроз, куда ж без него. Я сильно потёр лоб, и наконец ко мне откуда-то из глубины сознания вдруг пришёл ответ: «Я же в лифте, на станции, эх, ну ты даёшь, память дырявая!».

Сейчас я чётко осознал, что спускаюсь вниз на широком, открытом со всех четырех боковых сторон грузопассажирском лифте-платформе в центральную часть орбитальной научно-производственной станции «Надежда Юпитера». Сюда я прибыл десять минут назад на своём собственном звездолёте с Ганнимеда, спутника Юпитера, где мы с женой проводим наш трёхмесячный отпуск. На Ганнимеде, довольно хорошо уже освоенном, приемлемый сервис, и мы с Джулией часто летаем именно туда.

Надо сказать, последнее время у меня часто бывают подобные провалы в памяти, и я связываю их с моим немного пошатнувшимся здоровьем. Плюс и частые перелёты дают о

себе знать: хоть мой звездолёт и класса люкс, но от перегрузок и гравитационных толчков никто пока не научился защищаться полностью.

Зачем я прибыл на станцию? Я сам до конца не могу ответить на этот вопрос. Наверное, мне действительно не стоило быть здесь, но что-то же меня сюда привело. Какое-то смутное чувство внутри меня прошлой ночью прервало мой беззаботный сон, заставило открыть глаза, бездумно полежать минут двадцать на спине, глядя в потолок, оторваться от спящей тёплой и мягкой супруги и сесть в звездолёт – и вот я здесь. Хорошо, что Джулия не проснулась, она вряд ли бы поняла мой внезапный порыв.

Я всё ещё спускаюсь, как же глубока эта шахта! Интересно, найду я там, на глубине, то, что ищу?

В голове как будто что-то щёлкает, сознание погружается в какую-то вату, резко возникает стойкое чувство дежавю. Потом меня одолевает некое воспоминание, знакомое ощущение, полагаю, из детства: я стою с розовой сахарной сладкой ватой на палочке, а рядом со мной – родители. Поблизости ещё один мальчик, у него в руках ничего нет, он молчит, но я почему-то знаю, что он тоже хочет сахарную вату, хочет очень сильно, но не может себе её позволить.

В глазах немного проясняется, и я вижу, что четыре лампы на стенах вокруг меня застыли. Я, похоже, внизу. Да, так и есть, я выхожу из лифта, ещё немного пошатываясь, и подхожу к большой круглой двери шлюза. Рядом висит кнопка,

но нажимать мне её нет необходимости. Видимо, на базе уже знают о моём прибытии, поскольку из динамика доносится хрипловатый мужской голос:

– Заходи, сейчас открою!

Дверь отворилась, я немного поколебался, собрался с духом и зашёл внутрь. Немного поодаль от входа стоял мужчина, совершенно мне незнакомый. Однако это только на первый взгляд. Умом я, конечно, понимал, что это не так, ведь этот человек – мой брат. Старший брат. Разумеется, я узнал его, хотя и не видел очень давно, да и много воды утекло с тех пор. Не знаю, изменился ли я настолько же, но он, на мой взгляд, изменился кардинально, и это касается не только внешности.

– Привет, Альфонсе! – произнёс встречающий.

– Ну привет, коль не шутишь, Сальваторе! – как можно веселее попробовал ответить я.

Дверь закрылась. А мы стоим и молча смотрим друг на друга. Даже не знаю, сколько пройдёт времени, пока мы продолжим наш разговор.

3

Моё имя Альфонсе Перруцци, я достаточно богатый и успешный человек, известный далеко за пределами планеты Земля. Не хочу говорить сейчас, каким образом я этого добился, есть и нелюбимые моменты в моей карьере, но такому результату я обязан прежде всего своему характеру –

целенаправленному, настойчивому, упрямому.

Далёкие мои предки были родом из старинной Италии, и наша фамилия Перруцци проскользила через многие-многие века из дивных романских провинций. Мой отец гордился ею, хотя, конечно, сколько видов крови уже было уже намешано в этом изначально итальянском напитке, сейчас превратившемся в многорасовый коктейль!

Я младший в семье. У моих родителей я родился вторым, через пять лет после Сальваторе, моего старшего брата. Наши с ним отношения всегда сложно было назвать тёплыми; хотя росли мы практически вместе и в одной среде, интересы у нас различались. У нас у каждого была своя дворовая компания, свои нормы морали и поведения, свои секреты, наконец. Когда мой брат вступил во взрослую жизнь, он вознамерился вкусить её по полной. Сальваторе пробовал на зуб всё, что попадалось ему на пути, испытывал себя без жалости, рисковал, взлетал на вершину и так же быстро болезненно срывался оттуда вниз. У него в послужном списке было множество начатых, но незаконченных проектов, несколько бывших жён и бедных детей, без лишней тени сомнения оставленных за плечами как очередные вехи на пройденном жизненном пути, десятки успехов и сотни разочарований. Всё это был мой брат – всепожирающий на своём пути огненный вихрь, не жалеющий других и не помнящий себя в своей жажде жить, искать чего-то, но, похоже, чего-то, неизвестного даже ему самому. Но это продолжалось не все-

гда, однако об этом чуть позже.

Я же действовал по жизни совершенно иначе. Всё, за что бы я ни брался, практически всегда удавалось, и этому непременно предшествовал тщательный анализ, расчёты рисков и последствий, выбор оптимального варианта. Да, всё давалось нелегко и небыстро, но терпение, видимо, было у меня в генах. Получив хорошее образование и множество необходимых для жизни навыков, я смог найти своё место в обществе, идя вместе с ним, но не вопреки ему, как это делал Сальваторе. Методично я покорял одну вершину за другой.

К сожалению, старший брат не был для меня авторитетом; его стремлений, увлечений и рассуждений я не разделял, поэтому мы общались мало. Признаюсь, я никогда его не понимал. Когда ему исполнилось тридцать, он ввязался в одну из оппозиционных группировок, критиковавших власть и готовивших, как поговаривали, переворот на планетарном уровне. Так или иначе, но Сальваторе был внесён в чёрный список служб безопасности Планетарной Федерации Государств и спустя некоторое время вдруг изъявил желание полететь на строительство орбитальной станции «Надежда Юпитера». По слухам, его завербовали агенты служб безопасности для выполнения каких-то поручений в рамках этой грандиозной юпитерской миссии, однако лично я думаю, что всё было гораздо проще: представители власти хорошенько припугнули Сальваторе за его участие в экстремистской деятельности и «предложили» на время покинуть Землю. Учитывая пере-

менчивый характер моего брата, я вполне допускаю, что он мог посчитать это хорошим выходом и согласиться.

В течение пяти лет, что Сальваторе находился на строительстве станции, о нём не было ни слуху ни духу. Что он там делал и с кем общался, я не знаю. Но вот вернулся он совершенно иным человеком.

Прежде всего, он изменился внешне. Глаза светились каким-то неестественным светом, я бы сказал, смотрел он еле уловимым полуфанатичным взглядом. Фигура Сальваторе, некогда пышущая силой и красотой, теперь была худой, одежда даже чуток свисала, как у отшельников, которые носят плащи и балахоны. Походка стала какой-то кошачьей, пружинящей. Но самая главная перемена произошла где-то глубоко – в голове Сальваторе. Он перестал разговаривать на обычные светские темы, избегал разговоров о политике, обществе, религии, обо всём, что касалось окружающих его людей, в том числе не интересовало его и то, как я живу, чем я живу. «Твои материальные интересы меня не волнуют, – говорил он. – Вот ты стремишься жить, как все, как стадо, но, поверь, не в этом смысл твоего, моего, нашего существования». Весь вид моего брата говорил о том, что он не принадлежит этому миру, будто он пришёл извне, всё, что он видит, ему чуждо, а он знает что-то такое, что нам, обычным жителям планеты Земля, понять нереально.

Я вообще перестал понимать его. Мало-помалу мы стали совсем чужими людьми. Меня это не слишком волновало, я

подумал, что, значит, так тому и быть, такова судьба – в том, что мы такие разные.

И вот через несколько лет Сальваторе, вконец испортив отношения с близкими и когда-то знакомыми ему людьми, видимо, не в силах принять того, что его никто, абсолютно никто не может понять, снова покинул Землю. Он не сказал, куда он летит, но по своим каналам я смог узнать, что он решил вернуться к Юпитеру – на орбитальную станцию, которую он ранее строил. К тому моменту она уже функционировала и требовала наличия обслуживающего персонала. Надо сказать, что основной задачей станции было с помощью специального оборудования собирать полезные вещества из атмосферы Юпитера, – уровень развития земной науки и техники уже в те годы позволял успешно защищаться от сверхвысоких температур, радиации и других опасных для человека факторов. Я не удивился, что мой брат взял курс именно на «Надежду Юпитера»: работало на станции всего лишь несколько десятков человек, функцией которых являлось поддержание работы полностью автоматизированного оборудования, поэтому искомое Сальваторе уединение было там ему гарантировано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.